
«Личность» и «общение»: от Бердяева к Мунье

© 2019 г.   К.К. Апинтилиесей

Православный учебно-исследовательский центр «Думитру Станилоэ», Париж, Франция
(9 bis, rue Jean de Beauvais, 75005, Paris, France)

E-mail: apintilieseiciiprian@yahoo.com

Поступила 09.12.2018

Статья посвящена до сих пор недостаточно изученным отношениям Николая Бердяева – неустанного критика индивидуализма и коммунистического коллективизма, сторонника идей личности и общинности – и французского философа Эммануэля Мунье – представителя движения *Esprit*, в 1930-е годы провозгласившего своей целью осуществление персоналистской и коммунитарной революции во Франции и за ее пределами. Концепция Н. Бердяева рассматривается автором как один из важных идейных источников Э. Мунье. Исходя из этого, автор выстраивает статью вокруг обсуждения трех следующих вопросов: какие отношения связывали обоих мыслителей в 1930-е годы, т.е. в период становления французского персонализма; каковы были взгляды Бердяева относительно личности и общения (общины); каким был подход Мунье к этим же темам и чем он близок подходу русского философа? Конечной целью данного исследования было выявить точки соприкосновения в позициях двух мыслителей. Автор статьи, не являющийся специалистом по русской философии, цитируя Н. Бердяева, использовал французские и английские переводы его работ и отсылал именно к ним, а не к русским изданиям. Переводчик статьи, приводя цитаты из Бердяева по оригинальному, русскому тексту, сохранил при этом исходные авторские ссылки на европейские издания.

Ключевые слова: Э. Мунье, Н. Бердяев, Ж. Маритен, персонализм, индивидуализм, коллективизм, личность, индивид, общение, общинность, дух, свобода, любовь, “*Esprit*”.

DOI: 10.31857/S004287440007169-0

Цитирование: Апинтилиесей К. К. «Личность» и «общение»: от Бердяева к Мунье // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 132–141.

“Person” and “Communion”: from Berdyaev to Mounier

© 2019 г. Ciprian C. Apintiliese

The Orthodox Center for Studies and Research "Dimitru Stăniloae"; 9 bis, rue Jean de Beauvais, 75005, Paris, France

E-mail: apintiliese.ciprian@yahoo.com

Received 09.12.2018

This article focuses on the relationship between Nicolas Berdyaev and Emmanuel Mounier, which remains a scantily researched area. Launching a critique of individualism and collectivism of his time, Berdyaev presents himself an intransigent defender of the ideas of personality and communality. Thus, he becomes an important source of inspiration for Mounier, a member of the *Esprit* movement, which had declared in the 1930s a need for personalist and communitarian revolution in France and abroad. The article answers three questions: What was the relationship between the two thinkers in the 1930s, when French personalism emerged? What was Berdyaev's perspective on person and communion? What was Mounier's approach, and how close was it to Russian philosopher's attitude? The author's final purpose is to make clear the points of affinity between these two thinkers.

Being no expert in Russian, the author of the article, quoting N. Berdyaev, used French and English translations and made references to them, rather than to his works in Russian. The translator, citing Berdyaev's original Russian texts, used the author's references to European editions.

Key words: E. Mounier, N. Berdyaev, J. Maritain, personalism, individualism, collectivism, person, individual, communion, spirit, freedom, love, “Esprit”.

DOI: 10.31857/S004287440007169-0

Citation: Apintiliese, Ciprian C. (2019) “‘Person’ and ‘Communion’: from Berdyaev to Mounier”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 132–141.

Эммануэль Мунье¹, которого *Dictionnaire des philosophes* характеризует как представителя «коммунитарного персонализма» 1930-х годов [Domenach 2006, 1167], относится к генерации французских мыслителей, посвятивших себя поиску «третьего пути» развития социума, отличного и от общества капиталистического *индивидуализма*, и от общества коммунистического *коллективизма*: в первом не отражается ценность *личности*, во втором — подлинная *общность*. С точки зрения будущего, пригодно только то социальное устройство, в котором равно учтены и личность, и общность. Аналогичное неприятие индивидуалистического капитализма и коллективистского коммунизма обнаруживается, начиная с 1920-х годов, и у Николая Бердяева — «самого известного на Западе русского философа» [Obolevitch 2014, 189]. В «Опыте философской автобиографии» он неоднократно говорит о себе как о «персоналисте» [Berdiaev 1958, 123, 227, 305–307], всю жизнь сражавшемся за «идею центрального и верховного значения личности» [Berdiaev 1958, 367]. А наиболее развитым типом общества для него является то, в котором «...соединяются принцип личности и принцип общины» [Berdiaev 2000 web]. Эта близость двух философов, один из которых — Мунье, практикующий католик [Marrou 1950, 888]², — воспринимал другого — Бердяева — как «голос» православного мира на Западе [Mounier 1963, 509–510], является ярким свидетельством влияния последнего на европейскую мысль [Clément 2006, 223], а через него и «воздействия русских идей» на европейскую культуру [Baird 1995, 30].

Цель данной статьи и заключается, собственно, в том, чтобы выявить вклад Бердяева в формирование муньерианского персонализма, для чего мы сосредоточимся на трёх вопросах: какие отношения существовали между Бердяевым и Мунье в 30-е годы (особенно между 1932 и 1934 годами, т.е. в период формирования французского персонализма, так называемый «доктринальный период» журнала *Esprit*³ [Mounier 1967, 13]); каковы на этот момент были воззрения Бердяева на личность и общество; в чем коммунитарный персонализм Мунье был близок взглядам русского мыслителя?

Бердяев и Мунье: из истории отношений

Вспоминая в своей автобиографии о журнале «*Esprit*», основателем и руководителем которого был Мунье, Бердяев пишет: «Что это течение среди французской молодежи многим было обаяно мне, это не раз заявляли его представители. <...> Молодежь «*Esprit*» имела симпатию к персоналистической философии, которой я был самым радикальным представителем, защищая социальную проекцию персонализма, близкого к социализму не марксистского, а прудоновского типа. Эту точку зрения назвали коммюнитарным персонализмом» [Berdiaev 1958, 345]. Другими словами, идейным истоком программы журнала «*Esprit*», пропагандировавшего ценности как личности, так и общинности, был бердяевский подход в решении этих вопросов. Николай Александрович вспоминал, что молодые сотрудники журнала, как и представители других персоналистических движений во Франции, называли его «своим учителем» [Berdiaev 1958, 324]. В 1948-м, за два года до смерти, Мунье подтвердил эти слова Бердяева: «...персоналисты... признавали его идеи одним из истоков своих воззрений» [Mounier 1969, 19]. Необходимо привести еще одно, датируемое тем же годом, свидетельство (Мунье вспоминает о времени, когда формировалась программа журнала «*Esprit*»): «Мы стремились занять такую позицию, которая позволяла бы нам находиться где-то между Бергсоном и Пеги, Маритеном и Бердяевым, Прудонем и де Маном» [Mounier 1948, 681]. При этом и Маритен, и Бердяев входили в непосредственное окружение молодого Мунье и участвовали в подготовке первого номера «*Esprit*» (1932). Как отмечает Катрин Бэрд, влияние на Мунье Маритена весьма подробно исследовано, в силу значимости этого мыслителя для французского католицизма XX века⁴; что же касается Бердяева, то его роль в идейном формировании философов группы «*Esprit*» еще мало изучена [Baird 1995, 31–32]. В то же время, если верить Люролю, «...влияние Бердяева на Мунье было столь же значимым, как и влияние Маритена» [Lurol 2000, 72].

Обустроившись в пригороде Парижа Кламаре, Бердяев в 1926 году организовал экуменический кружок (*Cercles Œcuméniques*), заседания которого проходили по четвергам раз в месяц. Маритен, который представлял в кружке католиков, предложил затем проводить — то у него, то у Бердяева, — параллельные двусторонние встречи между православными и католиками, собиравшие участников еще два года после того, как в 1930-м распался экуменический кружок. Именно во время первой двусторонней встречи, состоявшейся 17 декабря 1928 года у Маритена, молодой Мунье, представленный хозяином, знакомится с Бердяевым [Mounier 2017, 87]. С тех пор они видятся раз в месяц у Маритена. Плюс к тому нам известно, как минимум, о восьми заседаниях с участием Мунье, проходивших у Бердяева. Кроме того, они неоднократно пересекались в «Союзе ради истины» (*Union pour la Vérité*), на одном из заседаний которого состоялась презентация книги Бердяева «Судьба человека в современном мире» [Lurol 2006, 140].

Роль Бердяева в истории «*Esprit*» также немаловажна. Согласно сохранившимся заметкам Мунье, решение создать журнал было принято 7 декабря 1930 года после встречи у Бердяева [Mounier 1963, 477]. Переговорив тем же вечером с Жоржем Изаром, Мунье принял решение участвовать в проекте⁵. И хотя в его заметках ничего не говорится об участии Бердяева в собрании, проходившем с 15 по 22 августа 1932 года, на котором был учрежден журнал [Mounier 2017, 381–388], сам Бердяев так пишет об этом событии: «Я был на первом собрании, на котором был основан журнал “*Esprit*”. <...> Меня приятно поразило... что молодежь требовала, чтобы в журнале

защищали человека и человечность» [Berdiaev 1958, 345] (возможно, однако, он имел в виду более раннюю встречу единомышленников 17 апреля 1932 года, а не само учредительное собрание [Clément 1990, 204]). По просьбе Мунье Бердяев принял участие в первом выпуске «Esprit» (он предоставил журналу статью «Истина и ложь коммунизма» [Berdiaev 1932^a, 104–128]), что свидетельствует о том, сколь высоко ценились его идеи в новом движении. Более того, после самороспуска в 1933 году первой команды «Esprit», Бердяев остался с Мунье [Mounier 1963, 544] и 11 мая 1934 года принял участие в «первом собрании обновленной редакции “Esprit”» [Mounier 2017, 495]. Но что еще более важно, Бердяев, по его собственному признанию, активно участвовал в работе философских групп «Esprit» [Berdiaev 1958, 345], созданных 14 мая 1934 года при журнале для обсуждения социальных, политических и философских проблем. Задачей участников одной из них стало «определение двух основных понятий — личности и общения — в их взаимосвязи» [Chronique des Amis d'Esprit 1934, 518]. В марте 1935-го, перечисляя «звёзд», работавших в этих группах «над проблемой Личности», Мунье упоминает Бердяева [Mounier 2017, 521]. Годом позже, в феврале 1936-го, он обращается к Бердяеву с просьбой предоставить какую-нибудь работу по этой теме [Mounier 1963, 580]. Отношения между двумя мыслителями так или иначе продолжались и после 1936 года, но мы остановимся в их прослеживании, ограничившись уже очерченным периодом — временем становления персонализма Мунье.

Чтобы лучше понять влияние Бердяева на западный мир, и в частности на молодого Мунье, важно упомянуть одно из его сочинений, которое имело в то время «большой успех» и сделало его «европейски известным» [Berdiaev 1958, 314]. Речь идёт о «Новом Средневековье», вышедшем на русском в 1924-м в Берлине и переведённом на французский в 1927 году. В это издание вошла и работа «Конец Ренессанса» написанная в 1919-м в Москве, и вместе они выражают убеждённость автора в том, что «...кончается новая история, которая зачалась в эпоху Ренессанса. *Мы переживаем конец Ренессанса*» [Ibid., 16]. Отрицая «духовного человека» и утверждая исключительно «человека природного», современная эпоха «развила индивидуализм», идущий рука об руку с «разрушением личности» [Ibid., 22, 28]. Человек, лишившийся божественного подобия и отпавший от духовного центра жизни, поработается природной необходимостью. Это причина, по которой «истощение и истребление личного начала в человеческих обществах» представляют собой выражение конца эпохи Возрождения [Ibid., 40]. Наконец, первое произведение завершается очень важным для нашего исследования заключением: «И мы должны себя чувствовать не только последними римлянами... но и обращенными к невидимому, грядущему творческому дню, когда взойдет солнце нового христианского Ренессанса» [Ibid., 46].

Таким образом, явно неслучайно Мунье открывает самый первый номер «Esprit» своей статьей «Пересоздать Ренессанс» («Refaire la Renaissance»), в которой говорит о необходимости революции «во имя духа» — единственной революции, способной устранить «первичность материального» и переустановить «первичность духовного» [Mounier 1961, 137, 145]. Используя центральный тезис русского философа о неизбежном крахе современного мира и о начале новой эпохи, Мунье объявляет: «Мир сломался. Только дух может восстановить работу машины» [Ibid., 151]. Отметим здесь, что чувство «всеобъемлющего кризиса цивилизации» и, как следствие, стремление этот кризис преодолеть лежат в основе большинства молодёжных движений 1930-х годов [Laubet del Bayle 2001, 269]. К ним принадлежало и движение «Esprit», в брошюре-манифесте 1932 года⁶ декларировавшего своей целью «работу во имя нового мира» [Mounier 1963, 490]. Мунье, подобно многим его соратникам, смотрит на современный мир как на предсказанный Бердяевым «переломный момент истории», в котором «одна цивилизация угасает, а другая рождается» [Mounier 1933^a, 886]. Как и Бердяев, он видит непримиримый антагонизм между индивидуалистическим гуманизмом — продуктом Ренессанса, и коллективистским гуманизмом, провозглашаемым коммунизмом [Mounier 1961, 158]. Вот почему в упомянутой статье он проповедует *новый* Ренессанс, а значит, и *новый* гуманизм, который, в отличие от старого, открыт «тому, что находится вне и над человеком»: физическому миру, ближнему и

духу [Ibid., 153]. Этот новый гуманизм есть *гуманизм относительный* (*humanisme relationnel*) [Toso 2005, 35–65], и его фундаментальной предпосылкой является «главенство духовного». Эта предпосылка определяла метафизическое направление журнала и его философию: требование духовного возрождения становится вскоре коррелятом «возрождения личности и общности на основе солидарности» [Nos positions 1934, 6].

«Личность» и «общение» по Бердяеву

а) *Личность: реальность, относящаяся к порядку духа и свободы*

Заявляя о себе как о *персоналисте*, в первую очередь перед лицом тех недоброжелателей, которые обвиняли его в преклонении перед немецким идеализмом, Бердяев обозначает стоящую перед ним задачу осмысления и проповеди достоинства личности, не сводимой к массам и коллективам: «...я крайний персоналист, когда эпоха коллективистична и отрицает достоинство и ценность личности» [Berdiaev 1958, 324]. Примат личности – вот *credo* его философии: «От начала и до конца мысль Николая Бердяева – это мысль о личности» [Clément 1989, 305]. Чтобы лучше понять особенности его видения личности, мы перейдём к серии оппозиций, конституирующих его персонализм. Речь идёт о «дуализме духа и природы, свободы и детерминизма, личности и “общего”» [Berdiaev 2000 web].

1) *Дух и природа*. Философская система Бердяева базируется на «первичной» анти-тезе между духом и природой. Эту антитезу не следует смешивать с оппозицией *души* и *материи* [Berdiaev 1984, 29–30]. Бердяев видит в первенстве духа над природой фундаментальную метафизическую идею и, не колеблясь, определяет свою концепцию как «философию духа» [Berdiaev 1958, 126, 365]. Дух не имеет ничего общего с *душой* (*психическим*), он относится к совершенно иному – трансцендентному порядку, «принадлежит другой реальности» [Berdiaev 1984, 31], является «бесконечно большей реальностью», чем реальность физического и психического мира [Ibid., 33]. Главными признаками духа, согласно Бердяеву, «...являются – свобода, смысл, творческая активность, целостность, любовь, ценность, обращение к высшему божественному миру и единение с ним» [Berdiaev 1943, 41]. Дух, таким образом, не имеет *онтологической структуры*, не принадлежит бытию как рациональная категория, он не рационален, но внерационален. С точки зрения перечисленных характеристик он, скорее, предполагает *аксиологическую* структуру: «...дух имеет аксиологический характер, он связан с оценкой... Дух даёт смысл действительности, а не есть другая действительность... дух есть не природа, хотя бы и душевная природа, а истина, красота, добро, смысл, свобода» [Ibid., 49–50]. Различение духовного и естественного порядков применительно к человеку не подразумевает отказа от естественного (души и тела) в пользу духовного: «Духовное начало никоим образом не противопоставляется человеческому телу, естественной физической субстанции человека, которая связывает его с жизнью природного мира» [Berdiaev 1937, 198]. Не отгораживаясь от природного, дух заключает в себя и душу, и тело, оживляя их, переводя их в другой порядок существования. Что до личности, то она принадлежит духовному порядку, будучи «категорией духа», а не природы.

2) *Субъект и объект*. Эта оппозиция позволяет прояснить бердяевское понимание личности в связи с категориями немецкой философии [Mounier 1969, 19]. Бердяев разделяет интерес последней к субъекту, к «Я» [Berdiaev 1936, 16] и связывает его с духом. Дух раскрывается в самом сердце субъекта [Berdiaev 1943, 19–20], никогда – в объекте, поэтому субъект обладает внутренней жизнью, свободной и творческой, избегая, таким образом, детерминированности объекта [Mounier 1969, 19]. Только, следовательно, субъект является «экзистенциальным», только он заключает в себе «экзистенциальный центр» [Berdiaev 1946, 43], что сообщает ему качество *подлинной реальности* [Berdiaev 1943, 67, 73]. Иными словами, мир объектов, называемый также «объективностью», не конституирует реальный подлинный мир, поскольку реальность относится лишь к субъективному порядку. «Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она вкоренена во внутреннем плане существования, т.е. в мире духовном, в мире свободы» [Berdiaev 1946, 26].

Итак, будучи коррелятом *свободного духа*, личность одновременно является коррелятом *экзистенциального субъекта*.

3) *Свобода и бытие*. Эта оппозиция дополняет две предыдущие в раскрытии понятия личности. Говоря о принципах своей философской рефлексии, Бердяев отмечает: «Отправной точкой моего философского видения мира является первенство свободы над бытием», но не тем бытием, которое присуще духу, субъекту, не подлинным бытием, но тем, которое конструирует философия, бытием онтологии, понимаемым как «природа, целостность или сущность» [Berdiaev 2000 web]. Такое бытие – это «бытие как объект», или «экстериоризированное бытие» [Berdiaev 1946, 87–88], в котором царят неизменный порядок и определённость. Что касается свободы – существенного элемента бердяевского персонализма, – то она характеризуется как *самодетерминация*, *исходящая изнутри*, из глубины духа и противящаяся любой детерминации извне. Это говорит о неразрывной связи между свободой и личностью: «Существование личности предполагает свободу. Тайна свободы есть тайна личности» [Ibid., 27]. Игнорирование свободы с необходимостью влечёт за собой и игнорирование личности.

4) *Личность и индивид*. Три предыдущих оппозиции подводят нас к четвертой, неизменно прослеживаемой во всем творчестве русского философа. «Индивид» – это «биологическая и социологическая категория» [Berdiaev 1937, 179]. С биологической точки зрения, индивид является частью вида, с социологической – частью общества; иными словами, конституируется как *часть* целого [Berdiaev 1946, 36] – космоса, государства, общества, семьи и т.д. Индивид возникает в результате естественного, биологического процесса, связывающего его с материальным миром. Поэтому он рождается и умирает, поэтому он определен генетической и социальной наследственностью [Berdiaev 1937, 180]. В отличие от индивида, личность – это «духовная и религиозная категория» в той мере, в которой она относится к порядку духа и свободы, с одной стороны, и составляет образ и подобие Божьи, с другой [Berdiaev 1984, 205]. Как образ Божий в человеке, личность не является естественным феноменом, не относится к объективированному миру [Berdiaev 1936, 174], но возвышается над естественной жизнью. Иными словами, личность не рождена от матери и отца, она не умирает, поскольку не является продуктом биологического процесса и не определена наследственностью [Berdiaev 1946, 37]. Таким образом, личность никогда не может мыслиться как часть чего бы то ни было, как элемент чего-то общего. Базовое определение личности состоит, согласно Бердяеву, в том, чтобы видеть в ней «всё» [Berdiaev 1937, 180], данное во внутреннем, *экзистенциальном* мире, а не во внешнем мире природы [Berdiaev 1936, 168]. И если индивид возникает естественным образом, личности предстоит реализоваться через победу духа над эгоцентризмом индивида [Berdiaev 1937, 182].

б) Община: союз любви и благодати

Важнейшей частью бердяевского персонализма является его коммунитарный аспект. «Наследник» и «свидетель» концепта *соборности*, Бердяев последовательно применяет его к антропологии, начиная с исследования о Хомякове, написанного в 1912 году [Clément 1990, 215; Clément 1969, 218]. Общность, основанная на христианской любви, – это «одна из тенденций русского православия», одно из его «стремлений» [Berdiaev 1933, 935]. Атеистические коммунисты, пытаясь установить общину силой и принуждением, исказили этот христианский идеал, способный реализоваться только во Христе – как «царство Божье» [Ibid., 941].

В 1934-м в Париже выходит книга Бердяева «Я и мир объектов» с красноречивым подзаголовком «Опыт философии одиночества и общения» (отметим, что в 30-е годы Мунье эту книгу имел под рукой), где настойчиво проводится мысль о том, что «Я», принадлежа области экзистенции и уже по самой своей природе являясь свободным, отнюдь не сразу является личностью: «“Я” – это ещё не личность. Нужно, чтобы оно ею стало: это то, чему способствует общение с “ты” и “мы”» [Berdiaev 1936, 117]. Но подлинное общение осуществляется только в любви, единственно способной вести «Я» к «ты» и «ты» к «Я» и преодолеть их одиночество. Любовь – сущностный фактор, который создает личность из первоначального «Я» [Ibid., 125]. «Тайна личности

связана с тайной свободы и любви» [Berdiaev 1943, 187]. Подлинная колыбель личности — общение — покоится только на свободной любви и Божественной благодати.

Опираясь на антитезу «природа — дух», Бердяев проводит различие между обществом, принадлежащим объективной природе, и *общением*, исходящей от духа: «Мир духа — это мир общения (соборности)» [Berdiaev 1984, 89]. Общение является частью «царства духа» [Berdiaev 1936, 73], подлинного существования, оно — «...собор подлинный и авторитетный, в котором есть действия Духа Святого» [Berdiaev 1984, 89], что неразрывно соединяет его со свободой и любовью, тогда как общество, связанное с одиночеством [Berdiaev 1936, 100], является частью царства природы, «царства Кесаря». Отметим яркое высказывание Бердяева: «Необходимо проводить различие между общением и обществом. Общение всегда персоналистично, оно всегда является встречей человека с человеком, «я» с «ты» в «мы». В подлинном общении нет объектов, поскольку личность никогда не является объектом для другой личности, но всегда «ты». Общество — это абстракция, объективация, и в нём личность исчезает...» [Berdiaev 2000 web].

Личность не может существовать как личность вне связи с другими личностями. Она по самой своей сути есть *трансценденция* — в направлении других личностей, в *любви* и *общении*. Именно в этой коммунитарной структуре открывается *образ Божий* человеческой личности: «Царство любви в свободе — это царство Троицы» [Berdiaev 1984, 142]. Так персоналистическая метафизика черпает силу в христианском учении о Троице.

«Личность» и «общение» у Мунье

В 1933 году в статье для журнала «Esprit» Мунье заявил, что «единая философия Личности и Общины» формирует «социальную метафизику» журнала [Mounier 1933^b, 55]. Три месяца спустя, он определил «возрождение личности и человеческого общения» как «конечную цель» журнала [Mounier 1934 (16), 6]. Мы не утверждаем, что Бердяев являлся единственным источником данной программы. Маритен также справедливо считается отцом выражения «персоналистский и коммунитарный», которое Мунье мог позаимствовать из его сочинений этого периода [Maritain 1992, 736] (впрочем, в ту пору и сам Маритен вдохновлялся идеями Бердяева, учитывая их близкие отношения [Clément 1990, 288]). Все же, исходя из сформулированной нами задачи, мы сосредоточимся на тех трех аспектах муньерианской мысли, которые, с нашей точки зрения, отражают влияние Бердяева.

а) Дух и личность

Первая статья Мунье в журнале «Esprit» начинается со слов: «Мы говорим: духовное первично» [Mounier 1932, 5]. Перед лицом «духовного беспорядка» порождённого капиталистическим материализмом автор выступает здесь за «духовное развитие человека», понимая под «духом» «...не некий оправдывающий биологический рефлекс, не какую-то структурную гипотезу, не “все-вот-так-происходит”, а *реальность*, которой мы полностью отдаемся, которая превосходит нас, проникает в нас, вбирает нас целиком, выводя за пределы нас самих» [Mounier 1932, 16]. Избегая каких-либо ортодоксально-доктринальных ассоциаций, автор добавляет к сказанному очень важную фразу (которую он воспроизводит и в книге 1935 года): «Мы, едва заметно, нарисовали на духе лицо Личности», с которой человек входит в «живое общение» [Mounier 1961, 174].

Кроме того, 20-й номер журнала, посвященный разъяснению метафизического направления «Esprit», также затрагивает понятие духа. Мунье начинает с разъяснения того, чем дух не является: он не сводится к «буйству жизненных энергий», таких как раса, сила, дисциплина, молодежь, национальное напряжение и т. д.; не сводится к «культуре»; а также не сводится к «свободе». Далее идет перечень того, чем дух является: он — «шкала ценностей», материальных, витальных, культурных и, выше всех остальных, «ценностей любви, доброты и Милосердия» (всё это напоминает аксиологическую структуру духа у Бердяева). Аналогично русскому философу Мунье объявляет, что «...эти ценности воплощены в личностях, предназначение которых — жить в абсолютном *общении*» [Mounier 1961, 215–216]. Ввиду сказанного «Esprit» ставит задачу раскрытия личности и общения, и значит, установления персоналистического,

коммунитарного режима. Двигаясь в логике этого проекта, авторы посвятили 27-й номер журнала теме персоналистской революции, а 28-й — революции коммунитарной, и именно здесь, в этом контексте, Мунье впервые дает определение личности. Наше внимание привлекает, в частности, вводное утверждение, где мы можем ясно видеть след бердяевской мысли: «Нет безличностного духа... Безличностна материя... Духовный = личностный» [Ibid., 175].

б) Абсолютный характер личности

Упоминание «духа» в контексте определения личности подводит к еще одной точке соприкосновения между двумя авторами. Согласно Бердяеву, личность, принадлежа «духовному миру и вечности», обладает «абсолютной ценностью» [Berdiaev 1932, 80–81] в том смысле, что она стоит выше государства, нации, человеческого рода, природы. В качестве образа Божия в человеке личность представляет собой реальность, возвышающуюся над естественной жизнью, что придаёт ей *анофатический* характер. В отличие от индивида, принадлежащего миру в качестве части целого, личность сама по себе уже есть всё — микрокосмос, — отчего схватить ее концептуально, познать и определить, невозможно. Как замечает Клеман, этот абсолютный характер личности эхом отзывается у Мунье [Clément 1969, 218]. Прочитаем две формулировки из статьи Мунье, опубликованной в том же 27-м номере «Esprit»: «Когда мы говорим, что личность есть в некотором роде абсолютом, мы не говорим, что она есть Абсолютом» [Mounier 1934, 357]; «Верующий скажет, что личность — это бесконечность или, по крайней мере, трансконечность (un transfini), созданная по образу Божию» [Ibid., 364]. Этот аспект, касающийся «абсолютной ценности человеческой личности», будет в дальнейшем прояснен в книге 1936 года, где сближение с Бердяевым еще более очевидно: «Мы хотим сказать, что личность, как мы ее обозначили, является абсолютом в отношении любой другой материальной или социальной реальности и любой другой человеческой личности. Никогда нельзя считать ее частью целого: семьи, класса, государства, нации, человечества» [Mounier 1961, 524].

в) Личность и общение

Третий аспект, подтверждающий влияние Бердяева на Мунье, находится в точке сопряжения «личности» и «общения». Хотя тема личности, реализующейся в отношениях, будет широко представлена в мысли 1930-х годов (Марсель, Пеги, Бубер, Эбнер и др.), нам кажется, что в данном случае можно говорить именно о влиянии Бердяева. Последний сам в 1935-м отмечал, насколько концепция Мунье близка его собственным воззрениям: «Мунье так тесно связывает человека и общение, что имеет в виду не "Я", но "мы". Так он очень близок к концепции *соборности* в православной мысли» (цит. по: [Clément 1969, 216]). Действительно, начиная с самой первой статьи в «Esprit», Мунье объявляет, что он «против философии "Я" и за философию "мы"» [Mounier 1932, 41], а после 1934 года, под влиянием в первую очередь дискуссий, проходивших в уже упомянутой философской группе, он помечает «общение» как одно из «трех центральных измерений» личности [Mounier 1934, 361]: «...личность реализуется исключительно в общении: но это не значит, что она может сделать это, растворяясь в "мы". Нет иной подлинной общины, кроме как общины личностей» [Mounier 1934, 366]. Отличаясь от коллективов или анонимных групп индивидов, только община способна стимулировать и поддерживать развитие человеческой личности. Личность и общение представляют собой два столпа коммунитарного персонализма.

Также, как и Бердяев, Мунье различает общество, принадлежащее индивидам, и общину, принадлежащую личностям: «Индивиды собраны в более или менее жизнеспособные общества — профессиональные, семейные, родственные и т. д., — в которых они предстают как отдельные лица, *части* целого... Эти общества никогда не смогут считаться общинами истинных личностей» [Mounier 1961, 198]. В отличие от всех явлений, имеющих место в обществе, только общение зиждется не на принуждении, житейском или экономическом интересе, а на любви: «Любовь есть единство общины» [Mounier 1961, 193]. «Таким образом, общение — это то, что вложено в сердце человека, что неотделимо от самого его существования» [Ibid., 535].

Вовлечённый в богословские и философские дебаты 1920-х и 1930-х годов, Николай Бердяев стал наиболее авторитетным восточноевропейским мыслителем для французских интеллектуалов той эпохи. Известный критическим отношением к коммунистическому коллективизму, установившемуся в России, и одновременно к индивидуализму европейских обществ, Бердяев стал источником вдохновения для части французской молодёжи, пытавшейся открыть «третий путь» для общества будущего. Один из ее ярких представителей, Эммануэль Мунье, несомненно находился под большим влиянием бердяевского персонализма, как напрямую, так и через своего друга Жака Маритена. Усвоив ряд идей русского философа и выстроив собственную систему как метафизику личности и общения, Мунье оказался весьма близок концепции *соборности*. Речь, разумеется, не идет о полном совпадении взглядов. Так, например, Мунье в качестве центрального измерения личности выделял, наряду с общением, еще и *воплощение*. Однако детальное исследование муньерианского коммунистического персонализма не входит в задачу данного исследования, цель которого, в конечном счете, состояла в том, чтобы, выявив идейную связь между мыслителями двух христианских конфессий, внести свой небольшой вклад в диалог православных и католиков.

(Перевод с французского И. Ильина)

Примечания

¹ Детали биографии Э. Мунье см. в [Moix 1960, 9–53; Vombaci 1999].

² Католическая теология, и в первую очередь учение Августина, занимает важное место в формировании персонализма Мунье [Petit 2006, 231–239].

³ Основанный в 1932 году группой молодых людей, этот журнал становится главным рупором французского персонализма [Comte 2005, 109–125].

⁴ На эту тему см. [Amato 1957].

⁵ Замысел журнала принадлежал Ж. Изару, А. Делеажу и Л.-Э. Галею, а во время переговоров 7 декабря Изар предложил Мунье возглавить журнал [Laubet del Bayle 2001, 133–138].

⁶ Речь идёт о брошюре, предвзятой публикации первого номера *Esprit*. В ней были указаны цели и задачи нового издания, описывалась философия журнала.

Источники – Primary Sources

Berdiaev, Nicolas A. (1932)^a "Vérité et mensonge du communisme", *Esprit*, Vol. 1 (1932), pp. 104–128.

Berdiaev, Nicolas A. (1932)^b *Le christianisme et la lutte des classes*, Éditions Demain, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1933) "Le christianisme russe et le monde bourgeois", *Esprit*, Vol. 6 (1933), pp. 933–941.

Berdiaev, Nicolas A. (1936) *5 méditations sur l'existence: solitude, société et communauté*, trad. par I. Vildé-Lot, Montaigne, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1937) "Personne humaine et marxisme", *Le communisme et les chrétiens*, Plon, Paris, pp. 178–202.

Berdiaev, Nicolas A. (1943) *Esprit et réalité*, Montaigne, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1946) *De l'esclavage et de la liberté de l'homme*, trad. par S. Jankelevitch, Aubier, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1958) *Essai d'autobiographie spirituelle*, trad. par E. Belenson, Chastel Corcka, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1984) *Esprit et liberté*, trad. revue par O. Clément, Desclée de Brouwer, Paris.

Berdiaev, Nicolas A. (1985) *Le nouveau Moyen Age*, trad. par J.-C. Marcadé et S. Siger, L'Ége d'Homme, Lausanne.

Berdiaev Nikolai A. (2000) web, „My philosophic World-outlook”, http://www.berdiaev.com/berdiaev/berd_lib/1952_476.html

Chronique des Amis d'Esprit (1934), *Esprit*, vol. 21, pp. 518–521.

Maritain, Jacques (1992) "Le paysan de la Garonne", *Œuvres complètes*, vol. 12, Saint-Paul, Paris.

Marrou, Henri-Irénée (1950) "Un homme dans l'Église", *Esprit*, vol. 174 (1950), pp. 888–904.

Mounier, Emmanuel (1932) "Refaire la Renaissance", *Esprit*, vol. 1 (1932), pp. 5–51.

Mounier, Emmanuel (1933)^a "Confession pour nous autres chrétiens", *Esprit*, vol. 6 (1933), pp. 873–896.

Mounier, Emmanuel (1933)^b "Argent et vie privée", *Esprit*, vol. 13 (1933), pp. 55–67.

Mounier, Emmanuel (1934) "Qu'est-ce que le personnalisme?", *Esprit*, vol. 27 (1934), pp. 357–367.

Mounier, Emmanuel (1948) "Plaidoyer pour l'enfance d'un siècle", *Esprit*, vol. 160 (1948), pp. 74–85.

- Mounier, Emmanuel (1961) *Œuvres*, t. 1, Seuil, Paris.
- Mounier, Emmanuel (1963) *Œuvres*, t. 4, Seuil, Paris.
- Mounier, Emmanuel (1969) "Nicolas Berdiaeff, premier humaniste de l'Europe nouvelle", *Bulletin des Amis d'Emmanuel Mounier*, 33 (1969), pp. 18–20.
- Mounier, Emmanuel (2017) *Entretiens: 1926–1944*, Presses universitaires de Rennes, Rennes.
- Nos positions (1934), *Esprit*, vol. 16 (1934), p. 5–7.

References

- Amato, Joseph A. (1975) *Mounier and Maritain: a French Catholic Understanding of the Modern World*, The University of Alabama Press, Alabama.
- Baird, Catherine (1995) "Religious Communism? Nicolai Berdiaev's Contribution to *Esprit's* Interpretation of Communism", *Canadian Journal of History/Annales canadiennes d'histoire*, vol. 30 (1995), pp. 29–47.
- Bombaci, Nunzio (1999) *Una vita, una testimonianza: Emmanuel Mounier*, Armando Siciliano, Messina.
- Clément, Olivier (1969) "Nicolas Berdiaeff et le personnalisme français", *Contacts*, vol. 21 (1969), pp. 205–228.
- Clément, Olivier (1989) "Aperçus sur la théologie de la personne dans la 'diaspora' russe en France", *Mille ans de christianisme russe: 988–1988. Actes du colloque international de l'Université Paris X-Nanterre, 20–23 janvier 1988*, YMCA-Press, Paris, pp. 303–309.
- Clément, Olivier (1990) "Berdiaev et la pensée française", *Contacts*, NS, vol. 32 (1990), pp. 197–219 et 280–298.
- Clément, Olivier (2006) "Berdiaev Nicolas (1874–1948)", *Dictionnaire des philosophes. Nouvelle édition augmentée*, Encyclopædia Universalis et Albin Michel, Paris, pp. 223–225.
- Comte, Bernard (2005) "Esprit (1932–1950), le combat pour la révolution personnaliste", *Emmanuel Mounier. Persona e umanesimo relazionale. Mounier e oltre*, vol. 2, *Atti del Convegno di Roma – UPS, 12–14 gennaio 2005*, Toso, Mario et alii (éds.), LAS, Roma, pp. 109–125.
- Domenach, Jean-Marie (2006) "Mounier Emmanuel (1905–1950)", *Dictionnaire des philosophes. Nouvelle édition augmentée*, Encyclopædia universalis et Albin Michel, Paris, p. 1167–1170.
- Laubet del Bayle, Jean-Louis (2001) *Les non-conformistes des années 30. Une tentative de renouvellement de la pensée politique française*, Seuil, Paris.
- Luro, Gérard (2000) *Emmanuel Mounier. Le lieu de la personne*, vol. 2, L'Harmattan, Paris.
- Luro, Gérard (2006) "Mounier et Berdiaeff", *Emmanuel Mounier: l'actualité d'un grand témoin. Tome II: actes du colloque tenu à l'Unesco, Paris, 5 et 6 octobre 2000*, Coq, Guy (eds.), Parole et Silence, Paris.
- Moix, Candide (1960) *La pensée d'Emmanuel Mounier*, Seuil, Paris, 1960.
- Obolevitch, Teresa (2014) *La philosophie religieuse russe*, trad. par Gawron-Zaborska, Cerf, Paris.
- Petit, Jean-François (2006) *Philosophie et théologie dans la formation du personnalisme d'Emmanuel Mounier*, Cerf, Paris.
- Toso, Mario (2005) "Il coraggio di un nuovo umanesimo relazionale: l'eredità di Emmanuel Mounier", *Emmanuel Mounier. Persona e umanesimo relazionale. Mounier e oltre*, vol. 2, *Atti del Convegno di Roma – UPS, 12–14 gennaio 2005*, Toso, Mario et alii (éds.), LAS, Roma, pp. 35–65.

Сведения об авторе

АПИНТИЛИЕСЕЙ Киприан К. –
 Доктор богословия, сотрудник Православного учебно-исследовательского центра «Думитру Станилоэ»

Author's information

APINTILIESEI Ciprian C. –
 Doctor in theology, working for the Orthodox Center for Studies and Research "Dumitru Stăniloae"